

Г. Ю. КАНАРШ

Проблема приватизации власти в России

Проблема формирования в России капитализма, характеризующаяся нечестностью в приобретении собственности («плеонексия»), презрением к бедным и унижением человеческого достоинства («хубрис»), утратой традиционной нравственности («чувства справедливости»), имеет не только социальное, но и политическое измерение¹. В политическом плане можно говорить об олигархии и олигархическом (точнее, квазиолигархическом) режиме, сложившемся в России во 2-ой половине 1990-х годов, отдельные элементы которого продолжают присутствовать в нашей жизни. Порядок этот возник не случайно: генетически он связан с радикальной трансформацией общественно-политического строя в конце 1980-х — начале 1990-х годов и вступлении в фазу «дикого капитализма». Но в основе рассматриваемого феномена — стремление новой бизнес-элиты вслед за государственной собственностью приватизировать другой важнейший социальный ресурс — политическую власть.

ОЛИГАРХИЯ В РОССИИ: К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФЕНОМЕНА

Анализ олигархии как политического феномена (хотя и имеющего «экономическое» происхождение) предполагает обращение к политической истории России последнего десятилетия. Эволюцию олигархического капитализма можно достаточно точно разделить на два больших этапа: «ельцинский» (эпоха пребывания у власти первого президента России Б. Ельцина) и «путинский» (период правления второго президента В. Путина). В целом термин «олигархия» в большей степени характеризует режим первого президента России (Б. Ельцина), с режимом В. Путина связан, ско-

рее, закат олигархической системы. Каждый из этих больших периодов отличается особым стилем отно-

шений бизнеса и власти, что позволяет нам выстроить определенную периодизацию.

Если брать «ельцинский» период, то в нем можно выделить два основных этапа в развитии отношений власти с бизнес-сообществом:

Первый этап — преимущественно патрон-клиентные отношения (1-ая половина 1990-х годов), когда бизнес выступал в роли клиента, служа проведению интересов власти и получая за это определенные привилегии, а власть, соответственно, в роли патрона. Это — иерархические отношения, в контексте общей архаизации российского социума периода 1990-х годов воспроизводящие логику взаимоотношений власти и подданных в условиях традиционного общества².

Второй этап — «олигархическая революция» (2-ая половина 1990-х годов), когда в результате активной поддержки президентской кампании Б. Н. Ельцина крупный бизнес в порядке «вознаграждения» получает доступ к политическим (и еще большим экономическим) ресурсам, впервые участвуя *на равных* в отношениях с властью. «В ходе избирательной кампании новая экономическая элита установила прямые связи с высшим политическим руководством страны, а после выборов ее представители были включены в высшие этажи исполнительной власти. ... Во взаимоотношениях государства с бизнесом наступил новый этап. Патронаж уступил место «симбиотическим отношениям» («сращивание», личная уния)»³.

Именно этот момент — момент «сращивания» бизнеса и власти позволяет нам говорить об «олигархической революции». И хотя в это время (1996–1997 гг.) государство продолжает оставаться автономным, независимым «игроком», *частные интересы из сферы экономики*

впервые проникают в политику, как и свойственные экономическим отношениям конфликты, искажая природу «политического», инструментализируя его путем сведения политики и власти до обслуживания интересов более низкого порядка (экономических)⁴. В этот период формируется крупная олигархическая коалиция, прозванная в СМИ «семибанкирщиной» (по аналогии с «семибоярщиной»), включавшая семерых наиболее влиятельных представителей российского бизнеса, которые получили возможность не только влиять на политику, но и непосредственно принимать политические решения.

В целом период политического господства олигархии продолжается до конца 2-го президентского срока Б. Н. Ельцина, однако фактически он распадается на два этапа:

1) «семибанкирщина» 1996–1997 гг.

2) «семья» (власть президентского олигархического клана с 1998 по 1999 гг.)

Неоднородность этого периода связана с клановой борьбой внутри правящего класса, в результате которой в 1998 г. на смену «первому поколению» олигархов призыва 1996 г. пришло «второе поколение», объединившееся вокруг родственников 1-го президента Ельцина («семейный клан»). Фактически период с 1998 по 1999 г. — это апофеоз олигархии, когда происходит олигархизация самого режима в лице президента Ельцина и его ближайших родственников («семья»), связанных с крупными финансово-экономическими группировками. В этот период завершилась «приватизация» государства, поскольку власть полностью оказалась в руках «семьи», которая вплоть до начала 2000 г. осуществляла политическое руководство страной вместо больного президента.

Подобная приватизация, как отмечают исследователи, могла состояться только как результат взаимодействия двух взаимосвязанных факторов: во-первых, болезни самого президента, и, во-вторых, особенностей новой российской Конституции, смоделированной, как известно, «под Ельцина». В первом случае «сработал» своего рода «закон компенсации», когда властные полномочия необходимо было кому-то передать, и естественным образом они

были «переданы» наиболее близким президенту людям — «семье». Во втором случае наделение президента почти «царскими» полномочиями и фактическая ликвидация «Святая святых» либеральной демократии — механизма разделения властей — лишили граждан реальных гарантий их конституционных прав и открыли прямую дорогу произволу правящей верхушки, фактически занявшей место российского президента⁵.

Однако апофеоз олигархии стал одновременно началом ее заката. Резко негативное отношение к олигархии в обществе, самоизоляция режима, борьба внутри самой бизнес-элиты, совпавшие с окончанием президентского срока Б. Н. Ельцина, подготовили почву для радикального изменения ситуации. Катализатором этого процесса стал приход к власти в 2000 г. нового президента В. В. Путина и осуществленный им переход от полицентрической системы власти, характерной для режима Ельцина, к моноцентрической. В отличие от полицентризма, основанного на децентрализации власти, приоритете неформальных связей и допускающего широкую автономию политических элит, моноцентризм характеризуется тенденцией к централизации, равноудаленности от всех политических игроков, а также существенным сокращением автономии элит⁶.

В отношении олигархии новый режим с самого начала выстраивает двоякую политику: с одной стороны, направлен на подрыв могущества и последующее удаление с политической сцены нелояльных олигархов, с другой — на выстраивание отношений с олигархами лояльными, причем как «внутренними» (административная федеральная элита), так и «внешними» («бизнес-элита»).

В отношении первых (известные медиамагнаты Гусинский и Березовский) еще в 2000 г. властью была проведена «антиолигархическая кампания», в результате которой были сломлены мощные медиаимперии, эффективно использовавшиеся для критики власти и дестабилизации ситуации в стране, а сами олигархи вынуждены были уехать из страны. Завершением этого этапа стал процесс над М. Ходорковским, последним из российских олигархов,

открыто заявившим о своих претензиях на власть, но потерпевшим сокрушительное поражение. В отношении «лояльных» олигархов политика власти заключается в следующем. Во-первых, в отношении высших федеральных чиновников власть пытается выстроить систему меритократического служения и «поместного» владения («за заслуги») взамен прежнего «вотчинного владения» в условиях «феодалной раздробленности». Во-вторых, в отношении бизнес-элиты создается система корпораций с целью институционализации отношений бизнеса и власти (взамен господства неформальных связей)⁷.

В целом, на современном этапе произошло восстановление субординации в отношениях государства и бизнеса, создана модель, характеризующаяся *абсолютным доминированием государственной власти над бизнес-элитой* (хотя представители последней сохраняют свои позиции во власти в обмен на лояльность). «От ситуации «приватизации государства», когда еще в 1998–1999 гг. деятельность федерального правительства и региональных властей в значительной мере контролировалась «олигархическим» капиталом, в 2003–2004 гг. был осуществлен переход к ситуации однозначного доминирования власти над крупным бизнесом»⁸. Другое дело насколько хороша такая модель для экономического развития страны, но ясно одно: *деприватизация государства состоялась, что однозначно может быть расценено как положительный факт.*

МОРАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПРИВАТИЗАЦИИ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Однако анализ политического процесса в России в терминах «приватизации» и «деприватизации» власти поднимает вопросы не только собственно политического, но и морального (точнее, морально-политического) характера. Что значит для власти и ее морального облика передача в «частные руки»? Допустимо ли это с точки зрения справедливости, и если нет, то почему? К каким социальным, политическим,

экономическим последствиям может привести «приватизация» власти? Это непростые вопросы, относящиеся скорее к области политической философии, чем теории политики, поскольку ответ на них невозможно дать без обращения к анализу политических ценностей, составляющих нормативную «матрицу» нашего мышления о политике.

Прежде всего, при анализе олигархии как политического феномена посткоммунистической России обращают на себя внимания три обстоятельства. Во-первых, собирательный образ олигархии в массовом сознании, когда в число олигархов включаются представители и бизнес-сообщества, и политической элиты, и даже президент (Б. Н. Ельцин), т. е., по сути, *весь правящий класс современной России*⁹. Во-вторых, резко негативная оценка олигархии у большинства населения России. И, в-третьих, настоятельные попытки самой власти начиная с 1997–1998 гг. избавиться от олигархических элементов в себе самой¹⁰. Все эти три обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют об одном: об интуитивном понимании и обществом, и самой властью *аморальности данного явления (олигархии), ее несовместимости с нашими глубинными представлениями о правильном (справедливом) и должном в политике.*

Что же вызывает моральное осуждение и отторжение олигархии? Как уже отмечалось выше, имея дело с олигархией, мы сталкиваемся ни с чем иным, как *проникновением частных интересов во власть, нарушающим установленную границу между публичным и частным, политикой и экономикой, «общим» и «частным», в результате чего власть, призванная служить общим интересам, утрачивает свое назначение и становится орудием узко-эгоистических, кланово-корпоративных интересов («приватизация власти»)*. Осознание этого факта и вызывает в массовом сознании неприятие олигархии во всех ее ипостасях (и в образе «олигархического» правительства, и в образе «семьи»). Этим же объясняется и стремление самой власти освободиться от олигархических элементов, поскольку связь с ними *подрывает легитимность власти, делает ее «неправедной», «несправедливой»*

в глазах народа. Такое восприятие олигархии имеет глубокие корни в европейской культурной традиции, частью которой является и русская культура.

«Власть и политика как ее новая «демократическая эманация» располагаются полностью внутри публичной сферы и образуют ее ядро. Размещение власти (а затем и политики) в границах публичной сферы — *одна из самых устойчивых черт европейской культуры, лишаящей частную власть над людьми, как и использование власти в частных интересах, культурной санкции и легитимности* (курсив мой. — Г. К.)...

Разрушение границы, отделяющей «ядро» публичной сферы (власть) от частной, посягает на одну из базовых характеристик культуры. Перспектива появления в публичном поле социальных фигур, символизирующих «частные интересы», при том, что процесс их легитимизации в культуре еще не завершился (речь идет о «новых русских». — Г. К.), вызывает в обществе отторжение»¹¹.

Итак, если попытаться понять внутреннюю логику политической истории России последнего десятилетия, то мы увидим, что за внешней событийностью процесса «приватизации-деприватизации» государства, описанной выше, действуют *скрытые механизмы культуры, вызывающие отторжение несправедливой власти народом и стремление самой власти к нравственному перерождению* (точнее, восстановлению своих изначальных, исконных функций). Тот же механизм действует и в условиях современной (поздне-путинской) России, но в отношении уже другого политического субъекта — государственной бюрократии, которая, как и олигархия, представляет собой всего лишь частную корпорацию (хотя и на службе у государства), которая стремится использовать власть и другие ресурсы общества в собственных целях. Поэтому неудивительно, что в своем Послании Федеральному собранию 2005 г. российский президент в качестве одной из приоритетных задач назвал необходимость борьбы с частнообщественными «поползновениями» бюрократии¹².

Во всяком случае, ясно одно: *политическая справедливость, представления о которой*

*глубоко укоренены в национальной (и шире — общеевропейской) культуре, требует служения власти общим интересам и недопущения частных интересов в политику*¹³. Несоблюдение этого принципа и «приватизация» власти

путем сведения ее к роли обслуживания корпоративных интересов олигархических кланов вызывает такие явления, как *развращение самой власти (точнее тех, кто является ее носителями), ее неспособность решать государственные задачи (неэффективность власти), а также отчуждение народа от власти (социальную апатию)*. Все эти явления мы имеем возможность наблюдать в посткоммунистической России, они стали предметом широкого обсуждения в печати и серьезных научно-философских исследований¹⁴.

Кроме того, «приватизация» власти таит в себе *прямую угрозу капиталистической экономике*, поскольку с утратой политического (как сферы «общих интересов») исчезает *сама возможность разрешения конфликтов, присущих сфере частнообщественных отношений, а последние имеют перспективу вырождения в произвол и анархию* (прямо по Гоббсу). Как справедливо отмечает Б. Г. Капустин, «чтобы была капиталистическая экономика, политика должны быть устроена некапиталистически в самом элементарном смысле: приватизация средств власти — подобная приватизация средств производства — уничтожает (экономический) капитализм: разграничить «плохое» и хорошее» соперничество становится невозможным»¹⁵.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Итак, подводя итоги, отметим следующее. В политическом плане, в сфере властно-силовых отношений, ситуация в России свидетельствует о преодолении кризиса, который мы обозначили как «приватизацию власти» в результате «олигархической революции». Государство усиливает свои позиции в сфере общих интересов (какой, безусловно, является власть)

и последовательно ликвидирует остатки анархической «вольницы» элит, которая фактически поставила российский социум на грань распада. Однако при этом нельзя не отметить, что процесс усиления государства не проходит безболезненно и порождает новые проблемы: активное вмешательство власти в социально-экономические процессы в условиях общей неотрегулированности отношений государства и бизнеса нередко перерастает в *откровенное давление бюрократического аппарата на бизнес-структуры, что ставит «новые старые» вопросы о разумном ограничении власти*. Кроме того, по мнению экспертов, в России наблюдается невиданное, даже в сравнении с советскими временами, «разбухание» бюрократического аппарата, *чреватое быстрым превращением бюрократии в новый политический «класс-для-себя» и, как следствие, утратой этим, необходимым для современного общества, классом, своей управленческой эффективности*.

С другой стороны, активность правительства в области собственных отношений с «олигархами» *парадоксальным образом сочетается с сохранением ситуации «минимального государства» в сфере социального обеспечения и социального развития*. По справедливой оценке В. Г. Федотовой, в России, несмотря на продекларированное в Конституции наличие социального государства, последнее до сих пор не реализовано на практике. Более того, реализация радикально-либеральных проектов в российской экономике вполне обоснованно может быть признана антиконституционной¹⁶. В этом смысле *политика российского правительства начала нынешнего столетия практически не отличается от аналогичной политики последнего десятилетия прошлого века, с ее ориентацией на крайнюю, неолиберальную модель капитализма, некритически позаимствованную у Запада*. Задача развития социальной сферы до сих пор воспринимается властью как *вторичная* по отношению к ускорению роста макроэкономических показателей, а само это развитие проводится весьма своеобразно¹⁷. (Между тем, исследования показывают, что реализация общего интереса именно в этой

сфере в наибольшей степени отвечает базовым моральным интуициям российского социума)¹⁸.

В целом, на наш взгляд, можно говорить о *непоследовательности* действий российского правительства, реализующего справедливость в одной важной области (политической), но отказывающейся признать социально-нравственный приоритет за другой, не менее важной сферой общественного бытия — социальной. Такая непоследовательность в решении ключевых этических вопросов продолжает оставаться источником *нестабильности общественно-политической ситуации в России*, что, по оценкам экспертов, чревато в перспективе мощным социальным взрывом.

¹ Анализ социально-этического аспекта посткоммунистического развития представлен в нашей статье: Канарш Г. Ю. Справедливость как духовная основа современного российского общества // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.

² Зудин А. Ю. Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 49.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Кива А. В. Российская олигархия: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 23.

⁶ Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

⁷ Там же. С. 75–76.

⁸ См.: Яковлев А. А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела ЮКОСа» // Общественные науки и современность. 2005. № 1.

⁹ Такая расширительная трактовка, на наш взгляд, весьма симптоматична.

¹⁰ Сначала такие попытки предпринимались правительством «младореформаторов», но до конца эта линия была доведена только В. Путиным.

¹¹ Зудин А. Ю. Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 48.

¹² Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ. Полный текст // <http://www.regnum.ru/news/444274.html>

¹³ Власть в принципе, по самой своей природе есть то, что не подлежит «приватизации», в отличие от собственности.

¹⁴ См.: Соколова Р. И., Спиридонова В. И. Государство в современном мире. М., 2003; Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. №3.

¹⁵ Капустин Б. Г. Томас Гоббс // Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII-XIX вв.). М., 2004. С. 11.

¹⁶ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество М., 2005. С. 435.

¹⁷ Начиная с конца 2005 г. российская власть активно занимается реализацией т. н. «национальных проектов» в четырех основных сферах жизни общества (образование, медицина, доступное жилье и сельское хозяйство). Однако особенность реализации национальных проектов заключается в том, что она имеет *сугубо избирательный характер*, касаясь лишь *отдельных* категорий граждан, но отнюдь не всех, кто нуждается в поддержке правительства и предполагает все тот же либеральный принцип частной конкуренции в качестве базового.

¹⁸ См.: Смирнова Н. М. Цивилизационный анализ динамики современной российской ментальности // Исторические судьбы социализма. / Отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 2004.